

ПИОНЕР

АВГУСТ

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

САМЫЙ КРАСИВЫЙ ГРИБ

Юз. АЛЕШКОВСКИЙ

Рисунки О. Гоха.

В нашей деревне раньше всех петухов просыпается петух моей бабушки. Он долго, как горнист, тянет первое «ку-ка-ре-ку!».

Соседский петух Гусар сразу же начинает злобно квохтать. Потом он тоже кукарекает, но как-то силло и скрипуче, словно спростонья откашливается. Бабушкин петух побеждает Гусара в пении, но проигрывает ему в боях и к концу лета теряет больше половины перьев.

Бабушка однажды сказала:

— Не горюй, Петенька, не горюй. Ведь ты — артист, а Гусар — хулиган.

...Я сидел на крыльце, цедил из кринки молоко и смотрел, как Петенька и Гусар готовятся к бою.

Они неподвижно стояли друг против друга, вытянув нахорхленные шеи. Кончики их клювов едва-едва заметно то отпускались, то поднимались, как носики весов в сельпо. Я смотрел на петухов, а Мишка и Борька почему-то все не шли и не шли. Мы еще вечером договорились пойти на зорьке по грибы.

Увидев, что с Мишкой и Борькой идет Зойка, я задохнулся от злости и бросил в петухов брикетом торфа.

Эта Зойка лучше всех играла в «чижик» и на днях маяла меня почти целый час. Я отмаялся и двинул ее как следует. Она упала и разбила коленку.

Я готов был испепелить Мишку и Борьку, когда они подошли поближе.

— Договорились вчера?! Договорились?! И гоните ее! Или я, или она!

— Пошли, Зойка! — сказал Мишка.

Я тут же перестал считать его самым справедливым человеком в деревне.

Зойка, грустно стоявшая поодаль, виновато на меня посмотрела, а Борька мстительно поджал губы: «Жадиной меня дразнил? Дразнил». Борька тоже крикнул Зойке:

— Пошли!

Это меня ошарашило. Я, сам того не замечая, поплелся следом за ребятами.

На краю оврага, за которым начинался большой лес, Мишка обернулся и, увидев меня, что-то сказал Борьке и Зойке. Они присели на пенечки, глядя в мою сторону.

Когда я подошел, Мишка сказал:

— Мы тут конкурс устроили. Первая премия тому, кто больше всех соберет, а вторая — за самый красивый гриб. Будешь?

Я не хотел разговаривать. Я только дышал от злости часто и жарко, как дракон из киносказки, а потом крикнул:

— Из-за вас забыл жратву и лукошко!

Борька сказал:

— Вечно на чужое надеешься.

Тогда я снял рубашку, затянул узлы на воротах и на рукавах, сказал:

— Еще увидите!.. — и первым вошел в густой березняк.

Сердце у меня билось, как на стадионе, когда назревает первый гол. Я пробормотал свое главное заклинание: «Нет грибов в лесу. Совсем нету. Плохой лес. Пойду лучше домой...» — и сразу увидел в траве сыроежку. Она была розовая, запотевшая, с прилипшей к шляпке желтой травинкой, очень похожая на моего двоюродного братишку после ночевки на сеновале. Я не срезал ее, а пошел дальше. За березкой мелькнул синий Борькин свитер. Я еще раньше заметил, что если начинаешь злиться, грибы не попадают, да и в «чижик» перестает везти. Поэтому я плюнул Борьке вслед, спокойно присел на корточки, заглянул под елки, потом подошел к трухлявому пню. Из него выскочила ящерица.

Я не успел додуматься, почему это у ящериц отрастают хвосты, а у бульдогов ни капли не отрастают: рядом с папоротником стояли два подберезовика. Я их срезал под шляпку и пошел низинкой. Там было видимо-невидимо подберезовиков. Только я не радовался, а думал: «Ну и что? Наберу их полную рубашку, а они в кашу превратятся. Пойду лучше на пригорок, где сосны и елки. Найду самый красивый гриб и кину его в Зойку. И не надо мне премии... Предатели!»

Вдруг где-то слева от меня зааукала Зойка. Я, не откликаясь, пошел в ее сторону. Зойка стояла на пригорке и аукала, не замечая меня.

Я еще больше ее возненавидел. «Подумаешь, заботится... Не такой я человек... Сам не заблужусь».

Я шел и ворчал.

— Что ты говоришь? — спросила Зойка, подлизываясь.

Я молча прошел мимо, но успел заметить, что в Зойкином лукошке полно маслят, и подберезовиков, и подосиновиков, а сверху лежат два крепких боровичка.

«Как дам сейчас пенделя по лукошку и все грибы растопчу, растопчу!» Сказав себе это, я немного успокоился и увидел Мишку. Он разглядывал кору на старой березе. А Борьки нигде не было видно. Я точно знал, что он идет стороной по своим тайным грибным местам. Я как-то хотел за ним увязаться, но он нарочно петлял и проваливался будто сквозь землю.

Мишка срезал кору с березы и пошел дальше. Я побрел за ним, и вдруг мне стали попадаться белые. Один! Другой! Потом целых три настоящих боровичка, присыпанных залежалой хвоей.

Мишка и не думал их находить. Он смотрел не под ноги, как я, а на ветви старых деревьев и засохших кустов. Еще он копался в валежнике.

Зойка тоже шла неподалеку. Я злобно следил за ее действиями. Заметив гриб, она неторопливо подходила к нему, и плавно кланялась, и улыбалась. Эта воображала как будто говорила: «Здравствуй, милый гриб».

Я прямо выходил из себя. К тому же мне было неудобно нести наполовину набитую грибами рубашку. И тут мне повезло. Я нашел картонный ящик от конфет, высыпал в него грибы, обвязал рубашкой, и получилось лукошко.

Вдруг Мишка крикнул:

— Эй! Привал! Есть охота!

Он прилег под елкой, Зойка села напротив него, а запыхавшийся Борька немного погодя вынырнул из-за кустов.

Я присел поодаль от них на брусничной лужайке. От холодных горьковатых брусничин только сводило скулы и есть хотелось еще больше. Я чуял запах черного хлеба, колбасы и лука. Я слышал, как кто-то сдирает кожуру с холодных картофелин, и чуть не плакал от голода, но думал: «Вот умру здесь в лесу, а не попрошу и не подлизусь... Ни за что! Ни за что!»

— Вовка! Айда! Все готово! — крикнул Мишка.

Я обернулся, хотел встать и пойти хорошенько поесть, но вместо этого почему-то огрызнулся:

— Обойдемся... не нуждаемся... — Я даже рот раскрыл от удивления и подумал про себя: «Вот дурак-то, ну и дурак», — как будто огрызнулся не я, а кто-то другой.

— Не хозт... не адо... упрашивать не буэ... — сказал Борька, уже набивший полный рот.

А я все ел и ел целыми пригоршнями бруснику и не смотрел в сторону ребят. Они сначала молчали, потом разговорились.

— Значит, я две премии получу? — спросил Борька, сыто икнув.

— Когда кончим искать, — неохотно ответил Мишка.

— По премиям деньги будут? — спросил Борька.

— В тысячу раз поважнее денег! — сказал Мишка, а Зойка радостно ойкнула.

Борька вздохнул.
— Ладно. Грибы-то я все равно на рынке продам. Сушеные. Рупь за нитку.

Мишка громко сплюнул.

— Скучный ты тип... а гриб твой, правда, красивый.

Я сразу обернулся, чтобы взглянуть на самый красивый гриб, а Зойка, привстав на коленки, добродушно протянула мне полбатона.

И колбаса в нем краснела, чайная, наверно, и масло блеснуло, и у меня потекли слюнки! Только я сказал:

— Пошли дальше! Расселись, как... эти...

Мы снова побрели по лесу неподалеку друг от друга. Борька уже не прятался. Он набрал почти полную корзину грибов и, находя боровик, выбрасывал подосиновики и моховики.

У меня от брусники заболел язык и хотелось пить. Тогда я нашел огромный рыжик. В его огненной шляпке-воронке накопилось много росы, а может, вчерашних дождинок. Я срезал рыжик под самый корень и выпил всю эту холодную, мягкую воду, как из золотого ковшика. И еще два нашел и выпил.

Грибов было много, но самый красивый все-таки не попадался. А он мне нужен был больше всего на свете! Больше Зойкиного полбатона и рыжиковой воды! Только бы его найти! Ко мне подошел Борька.

— Помоги нести корзину за десять белых... — Я молчал... — Ну, за пятнадцать...

Тогда я заорал:

— Пшел! Как двину, и рассыплюсь в пух и прах! У! У! У!

Борька, чуть не выпустив из рук корзины, шарахнулся в сторону.

Я снова начал колдовать: «Плохой лес... никогда сюда не приду... Ух, какой плохой лес!...»

— Ну, как дела? — Ко мне подошел Мишка и заглянул в коробку. — Ничего. Но победит, конечно, Борька. А жаль. Пошли обратно. Поздно уже.

Широкая корзина Мишки была полным-полна всякой коры и сучков, а за плечами у него висел маленький пенек с колючими отполированными корешками.

— Пошли, — сказал я.

И мы двинулись в обратную сторону. Зойка шла за нами следом, а Борька пыхтел над корзиной и нудил:

— Отдавайте мне премию. Домой же идем...

— Вот выйдем из лесу, тогда и получишь, — сказал Мишка.

Меня подташнивало от голода. Я думал: «Скорей бы деревня, там щи стоят в печке и хлеб теплый... Все съем! А потом молоко из погребка... и киселя с бубликом... и еще шей налью...».

Мы шли долго-долго, но все почему-то не выходили к широкой просеке. Тогда мы свернули круто вправо, прошли километра четыре, но тоже не вышли к ней и поняли, что накрепко заблудились.

Борька сказал:

— Вот и хорошо. Отдохну и всю корзину донесу.

Он отошел в сторону, за кусты. Я наблюдал за ним. Он отошел как будто по одному делу, а сам вынул из-за пазухи кусище хлеба и луковицу и стал быстро есть. Потом он вышел из-за кустов как ни в чем не бывало. Я задохнулся от злости, но вдруг меня осенило.

— Спички! — закричал я. — Спички есть? Мишка порылся в карманах.

— На... я печку утром растопляла... — еле слышно сказала Зойка.

Я вырвал коробок у нее из рук.

— Грибы будем жарить. Дров давайте. Встали, как... эти...

Костер мы разложили под большой елью почти на краю оврага. Было темно в лесу, но не страшно.

— За меня не беспокоятся, — сказала Зойка, — мы уже третий раз до утра заблуждаемся.

Я нанизал на обструганную веточку шляпки боровиков, но держал их не над огнем, а над угольками уже сгоревшего хвороста.

Мишка и Зойка тоже жарили шляпки. Борька рассматривал Мишкины находки.

— Зачем тебе это барахло вместо грибов?

— Пригодится, — сказал Мишка, — вон из той ветки боярки я сделаю фигурку «Злюка». — Борька ехидно покосился в мою сторону. — А из пенька со шупальцами выйдет скульптура «Жадина». Понял? Из коры с веткой «Альпинист» получится. Вот зачем.

Борька надулся.

Потом пошел дождь. Костер зашипел, запарил и стал гаснуть. Мишка, Зойка и Борька перебрались под большую ель и прижались друг к дружке, а я сел за стволом с другой стороны.

— Давайте спать, чтобы не бояться, — сказала Зойка.

Она разгребла руками грибы в лукошке, достала с доньшка полбатона и пододвинула лукошко поближе ко мне.

«Не дожدهшься... ни за что не съем... не такой я человек...», — думал я, покраснев и сглотнув слюну. Я ерзал на своем месте и чуть не плакал оттого, что я такой злока, а Зойка такая добрая со своим полбатонном.

Дождь все лил и лил, но капли сквозь ветви не падали.

Я боролся с полбатонном изо всех сил, а потом дотянулся до него и съел. И даже подобрал с земли мокрые крошки хлеба. Мне было стыдно, но я тоже захотел спать. Сначала я присел рядом с Борькой. Так было теплее. Он и во сне не выпускал из рук са-

мый красивый гриб. Глаза у Борьки были слегка раскрыты, как будто он сторожил свою корзину. Мне стало противно, и я сел рядом с Зойкой.

Она никак не могла удобно устроиться и все перекадывала голову с одной коленки на другую. Потом Зойка сложила на груди свои руки крест-накрест и прижалась ко мне. Я крикнул про себя, как старый дед: «Хм... вот дуреха... заснула, видите ли, со своими кудряшками».

Эти кудряшки щекогали мое ухо, но я даже дышать старался осторожно, чтобы не разбудить Зойку. Мне почему-то было ее жалко-жалко.

Когда я проснулся, уже начало светать. Я побежал на пригорок и залез на высоченную сосну, чтобы заметить, откуда покажется солнце. Я вспомнил, что оно выходило по утрам из-за колхозной бани. И как только слева от меня показался его красный

гребешок, я слез с сосны и растолкал Мишку, Зойку и Борьку.

— Пошли, я выведу. Разоспались, как... эти...

Мы, позевывая и зябко поеживаясь, побрели к солнцу и немного погодя вышли к просеке. Ее, как сцену, уже заливали сотни солнечных прожекторов. А в прожекторах порхали белые бабочки.

— Воображают, как девчонки, — заметил я вслух.

Зойка тут же сказала:

— Смотри! Вот жук летит!

Здоровенный жук летел мимо нас по прямой и вдруг — бац! — с разгона стукнулся лбом о дерево.

— Как мальчишка! — засмеялась Зойка.

Я раздул ноздри и приготовил кулаки, но она не намекнула мне про полбатона и не съехидничала. И тогда я, ни на кого больше не злясь, всю разговорился с умным Мишкой. Мы вместе думали, почему у ящериц отрастают хвосты, а у бульдогов нет.

Борька еле тащил свою корзину и то и дело нудил:

— Когда же премия? Две давайте мне премии!

Я совсем не думал о самом красивом грибе и вдруг в сторонке среди кустиков костяники увидел огромную бурую шляпу боровика.

Я развел руки, как будто ловил голубя, и не дыша, на цыпочках пошел прямо на гриб.

Но он и не думал бежать, и я встал на колени перед гигантским и добрым грибом. На его шляпе, свернувшись в клубочек, как кошка на крыше, лежала улитка и ползли мураши. Я подумал, что такой большой гриб, наверно, должен быть гнилым, и заглянул под шляпу, но она была ровная, светло-желтая, вся в капельках влаги и без единого червякового зигзага. И пахло от нее, как от полной тарелки грибного супа.

Вот она, первая премия! Я вынул ножик,

но увидел Зойку. Она шла, не замечая меня. Тогда я отошел в сторону и притворился, что ищу костянику.

Зойка чуть не споткнулась о гриб и ахнула и тоже встала перед ним на колени.

— Вовка!.. Вовка!.. Гриб!..

Я подошел, посмотрел с удовольствием на гриб и сказал, пожав плечами:

— Ну и что? Ну, гриб... Удивляется, как... эта...

Мишка и Борька подбежали к нам и тоже встали перед грибом на колени.

— Давай Зойке премию! — сказал я Мишке.

— И мне... — скрипнул зубами Борька.

— Премия за самый красивый гриб, — объявил Мишка, — присуждается Зойке, А за количество — Борьке.

— Давай! — Борька подставил руки.

— И Зойка и Борька получают высшую на свете премию — Радость Победителя!

Зойка захлопала в ладоши, а Борька закричал:

— Не надо мне радость!.. Я хочу... чтобы в руки... что-нибудь твердое! Наду-ули!

Я хотел срезать гриб и отдать Зойке, но она оттолкнула меня.

— Не надо... Жалко... Пусть растет до конца.

— Подумаешь... пусть... — сказал я.

— Коронуя тебя на пост царевны, королевны и принцессы всех грибов! — торжественно провозгласил Мишка, и мы пошли дальше, но долго еще оборачивались.

Потом просека кончилась, запахло дымком, и я засмеялся, услышав звонко-золотистое «ку-ка-ре-ку!» и злобное квохтанье. Это тужилась хулиган Гусар, а кукарекал «артист», славный петух моей бабушки.

РУЧЕЙ У ОКЕАНА

В. КОРЖИКОВ

Из-за тайги, слетев с горы,
Ручей пробился к океану,
И люди, прячась от жары,
К нему с утра приходят рано.
А он летит себе с высот,
Хвоинки весело качая,
И свежесть каждому несет,
Прозрачной песни не кончая.

Еще ничем не знаменит,
Он каждый звук о берег точит.
Ручей звенит, звенит, звенит,
А океан слегка рокочет.
И начинается сам кипеть
И пробует басы ретиво,
Как будто хочет он напеть
Ручья таежные мотивы.

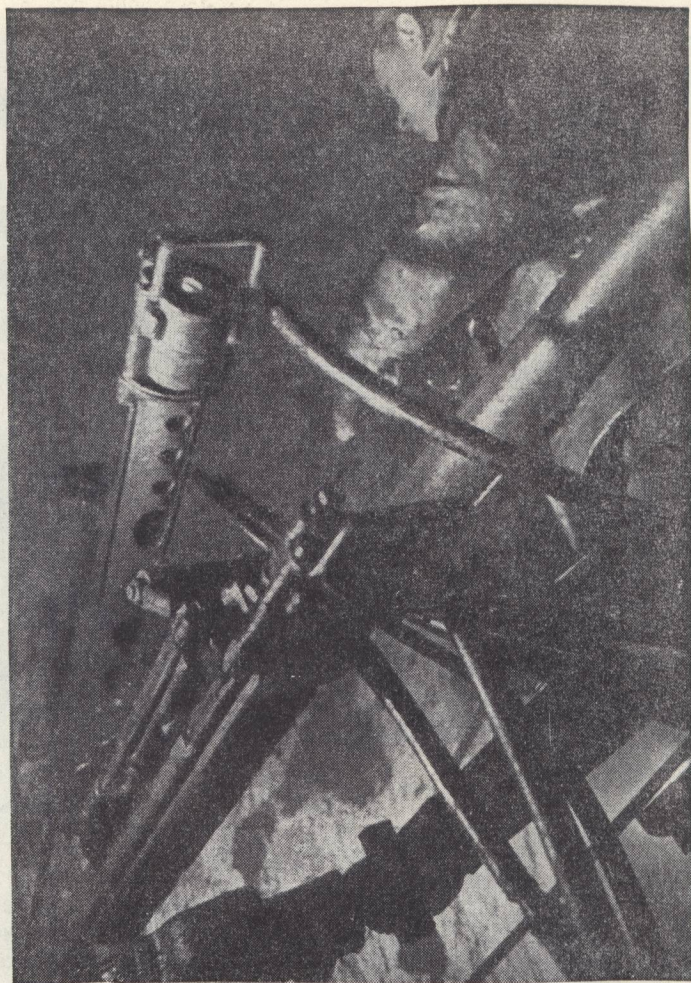
МОГУЧИЕ ПОМОЩНИКИ

Вы, конечно, знаете, что люди сегодня работают совсем иначе, чем, скажем, двадцать лет назад. Например, токари. Они режут металл в десятки раз быстрее. И не только у токарей так. Геологи теперь гораздо чаще находят подземные клады, нефтяники больше добывают нефти, хлеборобы скорее убирают урожай...

Почему же это происходит? Да прежде всего потому, что на помощь человеку приходит новая, все более мощная, все более совершенная техника.

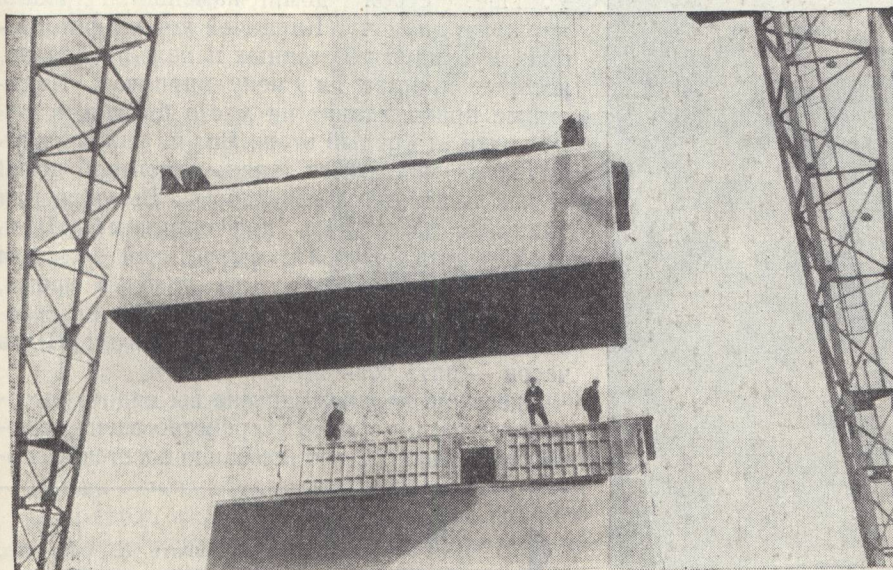
У нас в Советской стране техника развивается очень быстро. Фотографии, которые вы здесь увидите, расскажут вам о новейших машинах, установках, приборах, изменяющих труд наших рабочих и ученых.

Снимок справа называется «Шахтер». В книжках про давние, дореволюционные времена вы, наверно, читали о том, как тяжело, вручную —

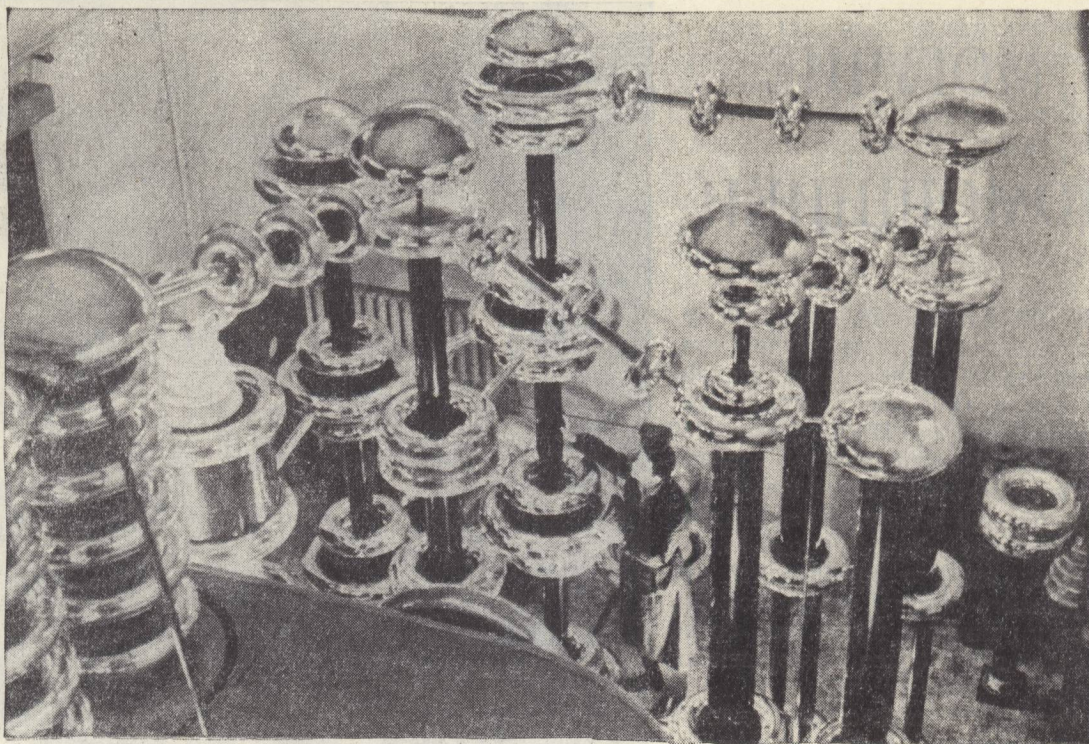
Шахтер.

Фото А. Малкина.

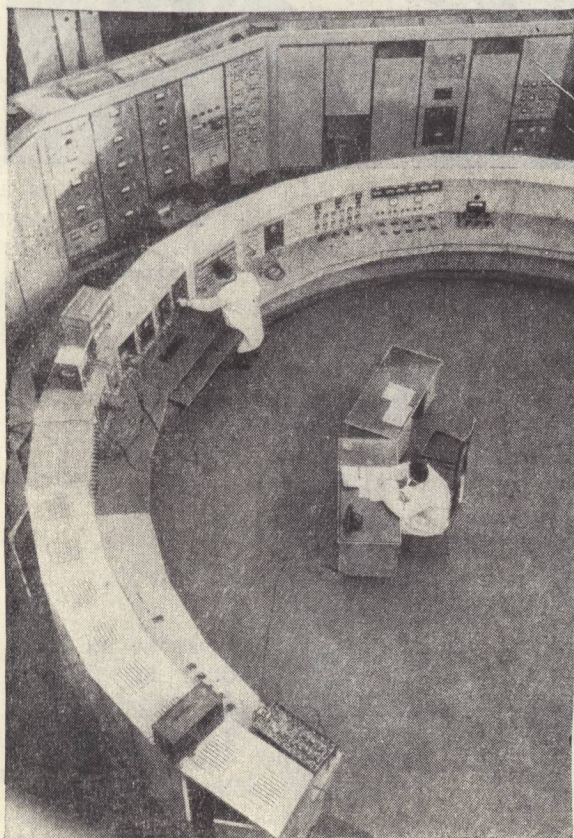
Пять дней — пять этажей.

Фото А. Птицына.

У электронного микроскопа.

Фото А. Устинова.

Пульт управления.

Фото А. Батанова.

с кайлом и обушком — трудились под землей шахтеры. Но разве похож на старого горняка человек, управляющий буровым станком, который так стремительно вгрызается в породу?

А вот строители (нижний снимок на 53-й стр.). Это тоже старая профессия. Раньше, строя дом, каменщики клали кирпич к кирпичу. Кирпичей нет на фотографии. Не видно и бетонных панелей и блоков, которые пришли на смену кирпичам. Подъемные краны ставят на место быстро и точно почти что целый этаж. Вот из каких «кирпичиков» монтируют теперь строители дома! И как изменился темп работы! Вы обратили внимание на подпись под снимком? «Пять дней — пять этажей». Пять дней — и дом готов! Не сомневаюсь, что пройдет время, и кто-нибудь из вас будет работать на строительной площадке с новым лозунгом: «Пять часов — пять этажей!».

Здесь на верхнем снимке вы видите высоковольтное питающее устройство электронного микроскопа. С его помощью советские био-

логи и физики изучают вирусы, внутреннее строение мельчайших бактерий, частицы вещества, которые всего в несколько раз больше атома. Электронный микроскоп увеличивает их в двести тысяч раз! А ведь самый сильный световой микроскоп, которым до недавнего времени обычно пользовались ученые, увеличивает лишь в две—две с половиной тысячи раз.

Внизу на стр. 54 — пульт управления атомным реактором. Инженер, сидящий в центре, следит за экранами, осциллографов, вспышками сигнальных лампочек, самозаписывающими аппаратами. В его власти самая могучая энергия — атомная. У нее огромное мирное будущее. Атомные реакторы уже вырабатывают электричество, вращают гребные винты ледокола «Ленин», помогают вести исследования в науке.

Кто из вас догадался, что изображено на фотографии справа? Отсек подводной лодки? Часть воздушного лайнера? Или, может быть, камера для тренировки космонавта? Ни то, ни другое, ни третье. Это кабина управления сильнейшего радиотелескопа.

Из бесконечных глубин вселенной идут к нам на землю неведомые радиоволны. Какова природа их возникновения, какие космические тела излучают их? Этими вопросами занимается совсем еще молодая наука — радио-

Земля слушает...

Фото Н. Хорунжего.

астрономия. С помощью мощных радиотелескопов ученые открыли новые звездные миры и радиотуманности, о существовании которых недавно никто не догадывался. А когда в космос запускается спутник, радиотелескопы наблюдают и за ним.

Юз. АЛЕШКОВСКИЙ